

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

1989. - 18 апр. - с. 5

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Тише, идет репетиция!

О репетициях Станиславского написано, вероятно, не меньше, чем о спектаклях. В рассказах-воспоминаниях легенды смешиваются с анекдотами, анекдоты становятся легендами. Их объединяет сознание чуда, преображения всех — волею режиссера, забывшего о реальном времени, о том, что утро уже перешло в вечер.

Непосредственная запись репетиций — дело труднейшее. Даже идеальная стенографистка запишет лишь слова, в то время как репетиция — это общение, единое «биополе», превращение слов в новую сущность, в спектакль. А участники репетиций Станиславского в лучшем случае знали основы стенографии, использовали их, изобретали свою систему записи, пытались соединить фиксацию того, что говорил и делал режиссер со своими комментариями.

Новая книга обращает нас не к исправленному, к подлинному Станиславскому. Ее составляла, редактировала, предвзяла предисловием, писала вступления к каждой главе Ирина Николаевна Виноградская.

Стенограммы булгаковского «Мольера», занятий и репетиций в последней студии — подробны, буквальны. Именно в этом буквализме — их значимость. В хронологической последовательности: от беседы после просмотра в марте 1935 (а начались репетиции в 1931 году) до замечаний по ко-

стюмам. «Языки у башмаков должны больше отставать. Туфли класть на войлок...» — последние замечания Станиславского в истории жизни и смерти господина де Мольера на сцене МХАТа.

В прошлой истории Художественного театра спектакль виделся (автором этой рецензии в том числе) — в однозначности неудачи, определенной тем, что автор не исполнил замечаний Станиславского и не сумел показать Мольера-тень. В сегодняшней истории спектакль видится почти триумфом, раздавленным официозностью, пьеса же — триумфом безусловным, значение которого возрастает во времени. Этому времени необходимы и безыскусные в буквальном смысле записи стенограммы, сделанные весной тридцатого года.

Казалось бы, взаимоисключающие впечатления: как мало осталось от репетиций Станиславского и как много осталось от репетиций Станиславского — не исключают друг друга, но все время соседствуют при чтении книги. По привычке к книгам, неторопливо написанным, — хочется в каждой главе законченности картины. Но это не книга написанная, а книга записанная, слово устное, легкое, рожденное общением актеров.

Реальность «Чайки» и бурных событий, происшедших в нечерноземном селе Степанчикове, вводится Станиславским (в полном согласии с авторами) в сферу вечности. Библейский «Каин» из космоса возвращается на землю, где первые люди живут, «как птицы».

В репетициях «Талантов и поклонников» земная правда героев Островского также сливалась с вечными мотивами Долга, Призвания, Добра, в последних студийных репетициях искали «правду чувств» Гамлета, матери-королевы, Тени короля.

Во всех репетициях — толстовское, абсолютное чувство правды, толстовское неприятие малейшей фальши, будь то идея или интонация одного слова. И сознание безграничных возможностей в вечной жизни театра, где все вместе — режиссер, исполнитель роли Гамлета или слуги из села Степанчиково. В последних занятиях — уверенность Станиславского в возможностях «метода физических действий», который, как изучение азбуки, необходим любому актеру.

Последняя стенограмма — репетиция «Гамлета» в июне 1938 года. Осенью занятия не возобновились: Станиславский умер в душный августовский день 1938-го. Книга не обрывается репетицией — завершается кратким, емким, сегодня написанным послесловием Б. Зингермана. С концовкой: «Для людей театра, людей, любящих театр, книга репетиций Станиславского не имеет цены». Тираж этой книги (вероятно, установленный заказами книготорга) — восемь тысяч. Ну что же, даже если переиздания не будет, всякий, имеющий книгу или взявший ее в библиотеке, прикоснется к главному в театре. Слово вспыхнет надпись, которая предупреждает и дает надежду: «Тише, идет репетиция Станиславского!».

Е. ПОЛЯКОВА.